

Институт
Современного
Развития

№ 2

Игорь Юргенс
*Председатель
Правления
Института
современного
развития*

АНАЛИТИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ, ИЮЛЬ 2012, № 2

Второй выпуск ежемесячного бюллетеня Института современного развития совпал с обострением отношений России с её внешним окружением на западном направлении.

В основе этого обострения как вещи ситуативные — «дело» Магнитского, ситуация в Сирии, новый поворот в политике Узбекистана в Средней Азии, так и долгосрочные — отсутствие у страны национального понимания, кем мы хотим быть сейчас и в перспективе, на каких базовых понятиях и ценностях строится наше будущее?

Отсюда и законы об иностранных агентах и клевете, процесс Pussy Riot, Навальный против Бастрыкина и соответствующая западная реакция. Т.е. наш вечный бой политических архаистов и новаторов.

В сегодняшнем бюллетене эти баталии нашли своё отражение в статьях Е. Ш. Гонтмахера и Н. В. Загладина о т.н. кризисе представительной демократии, С. А. Кулика о новой долгосрочной программе Европейского союза по защите прав человека. Продолжает тему глобальной управляемости Н. И. Масленников.

Начиная с этого выпуска, мы будем знакомить читателя с материалами партнёрских организаций ИНСОРа. На сей раз представляем книгу Чарльза Гранта из Центра современных реформ, доклады коллег из Польского института международной политики о российской «мягкой силе» и британского Королевского института международных отношений («Чэтэм Хаус») о политике США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Надеемся, что вам будет интересно.

СОДЕРЖАНИЕ:

Кризис представительной демократии: исторический конец модели?	2
О «Стратегических рамках в области прав человека и демократии»	5
Тормозной путь к новому экономическому порядку	9
Глобальная управляемость глазами партнёров ИНСОП	17
«Мягкая сила» России в СНГ	19
Политика США в АТР	23

Евгений Гонтмахер

Член Правления

Института

современного

развития,

Никита Загладин

Руководитель

Центра Института

мировой экономики и

международных

отношений РАН

Кризис представительной демократии: исторический конец модели?

Еще в начале XXI века многими экспертами отмечались симптомы кризиса института представительной демократии. Речь шла не о том, что во многих странах, относительно недавно вступивших на путь демократической трансформации, в действительности осуществлялась лишь имитация деятельности присущих ей институтов. Вероятно, подобный этап для обществ, не имеющих соответствующих традиций, исторически неизбежен. Другой вопрос, что его протяженность может быть различной. Нет, речь шла о государствах с уже устоявшейся демократической системой, являющихся ее родоначальниками.

Основные векторы критики современной демократии сводились к констатации того факта, что большинство государств мира приняли очень широкие международные обязательства, делегировали (особенно в зоне Евросоюза) большие полномочия наднациональным структурам, вынуждены прислушиваться к рекомендациям МВФ, ВТО, учитывать глобальную экономическую взаимозависимость. Все это сократило свободу выбора модели внутренней социально-экономической политики, делая последнюю почти безальтернативной. В итоге различия между традиционными «правыми» и «левыми» партиями (кроме риторики) постепенно нивелировались. Результаты выборов определялись соревнованием команд политтехнологов, пытающихся манипулировать сознанием избирателей. Доверие к традиционным политическим партиям и интерес к электоральному процессу падали, наметился постепенный рост влияния новых политических сил (сетевых сообществ разного рода, антиглобалистов, альтерглобалистов, националистов, партий «пиратов», отстаивающих полную свободу в сети Интернет, экологистов и т.д.).

Все это не создавало особых проблем в условиях, когда экономическое развитие было более или менее стабильным, а большинство электората (от 1/2 до 2/3) составляли представители среднего класса, заинтересованные в политической стабильности.

Ситуация изменилась с началом глобального кризиса 2008—2009 гг. и последующей рецессии, угрожающей новой волной еще более тяжелых экономических потрясений. Возможность их предотвращения, при существующей модели организации глобализированной экономики, в общем-то безальтернативна: это жесточайшая экономия бюджетных средств, минимизация бюджетных дефицитов, сокращение государственных долгов, поддержка или «плавное» банкротство разоряющихся банков. Популярный у ультралевых лозунг «пусть платят богатые» в данной ситуации повисает в воздухе. Они и так платят — из-за обесценения ценных бумаг, в которых держат свои средства. Разорение банков лишит депозитов не только финансовых воротил, но и миллионы рядовых вкладчиков.

Изменение модели функционирования глобальной экономики, о чем говорится на большинстве международных форумов, в том числе и на встречах «двадцатки», в принципе возможно. Но с одной стороны, четкой и общеприемлемой концепции «модернизации глобализации» пока нет, с другой — если она и появится, ее реализация, несомненно, займет длительное время.

В современных условиях, как показывает опыт стран Южной Европы и Франции, возникает серьезная проблема. Доказать рядовым гражданам находящимся в кризисном (или предкризисном) положении стран, в том числе и представителям начинающего численно сокращаться среднего класса, необходимость и безальтернативность повышения пенсионного возраста, отказа от всяких премиальных и бонусов (таких, как 13-я и 14-я зарплаты в Греции), перехода на частичную занятость, роста безработицы и т.д., крайне сложно. Возникает масса рисков, связанных с подъемом популизма — выдвижением лидеров, принимающих заведомо завышенные социальные обязательства, которые в принципе не могут быть выполнены. При этом, такие лидеры могут выдвигаться как в рамках прежде традиционно «левых» партий, реанимирующих ради конъюнктурного успеха радикальные лозунги прошлого, так и новых социально-политических движений.

В Греции на выборах 17 июня 2012 г. избиратели проявили здравый смысл, отдав большинство голосов ориентированной на адаптацию к реалиям глобализированной экономики Еврозоны правоцентристской партии Новая демократия (109 мест из 300 в

парламенте страны). Хотя создание устойчивого правительства еще не гарантировано.

Более сложная ситуация сложилась во Франции. Победителем президентских выборов 2012 г. стал социалист Ф. Олланд, левые партии после выборов 17 июня 2012 г. получили 527 из 577 мест в парламенте. Проблема для Франции — и для Европы и мира в целом, состоит в том, что успеху левых способствовала заведомо нереализуемая, популистская программа, на осуществление которой просто нет средств. Попытки Олланда получить их от Евросоюза не увенчались успехом. Вопрос о том, что будет дальше, остается открытым.

Даже современная модель наиболее развитой демократии проявляет слабость в том, что она не гарантирует от прихода к власти радикалов-популистов.

В Интернете обсуждается вопрос о возврате к модели классического либерализма XIX века, когда доступ к выборам ограничивался системой цензов (имущественного, возрастного, по половому, расовому признакам и т.д.). Не самый убедительный вариант: с одной стороны, крайне сложно выделить критерии ограничения избирательных прав, с другой — люди, их лишённые, ощутят себя изгоями, станут питательной средой для радикальных и даже террористических движений.

Идеи «электронной демократии», проведения голосования в Интернете, которому будет придаваться чуть ли не законодательная роль, возвращают политику к уровню «прямой демократии» древнегреческих Афин или Господина Великого Новгорода. Такие методы могут быть полезны для проведения опросов общественного мнения. Но они автоматически отключают от влияния на политику людей, которые не умеют пользоваться Интернетом или не имеют к нему доступа. Кроме того, результаты такого «опроса», если он приобретет социально значимые функции, с использованием современных технологий могут быть сфальсифицированы.

Все это не означает, что система современной представительной демократии исключает ее дальнейшее развитие. Таковым могла бы стать система правовых норм и институтов, обеспечивающих импичмент главы государства и досрочный роспуск парламента не только в случае нарушения базовых законов государства, но и невыполнения, скажем, в течение года, принятых предвыборных обязательств (кроме случаев форс-мажора, связанных с экономическими, экологическими и прочими катаклизмами). При этом, право инициирования соответствующей процедуры (в ситуации, когда популисты контролируют как

законодательную, так и исполнительную власть), видимо, должно представляться заведомо нейтральному и специально созданному политическому органу, подтверждаться предварительным референдумом через Интернет.

И, наконец, важнейший фактор, который может придать представительной демократии «второе дыхание»: успешное преодоление экономического кризиса.

Уже очевидно, что выйти из кризиса развитые экономики Северной Америки и Европы могут, только существенно изменив многие нынешние принципы экономического развития. Речь, конечно, не идет о демонтаже таких институтов, как частная собственность, конкуренция, эффективное и компактное государство. Элементом придания новой динамики может стать, к примеру, переход на новый технологический уклад (нано- и биотехнологии), что позволит резко сократить потребление природных ресурсов при производстве товаров и услуг, а значит сделать их более доступными для широких слоев населения не только развитых, но и всех остальных стран. Еще одним драйвером может стать приоритетное инвестирование общественных и частных средств в образование и здравоохранение, что позволит сгладить нынешние острые различия в качестве жизни. Это, в конечном счете, существенно подорвет социальную базу для радикально-популистских сил.

О «Стратегических рамках в области прав человека и демократии»

20 июля состоялся пятнадцатый раунд экспертных консультаций Россия — Европейский союз по правам человека. За исключением обсуждавшихся новых российских законодательных актов, традиционные приоритеты в повестке в основном не меняются. Российская сторона предпочитает вопросы ущемления прав русскоязычного населения в Латвии и Эстонии, а также роста неонацистских настроений и расовой дискриминации. Представители Евросоюза «бьют» по более широкому кругу усматриваемых ими наших недостатков.

На сей раз встречу предваряли частые заявления от имени Верховного Представителя Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон с озабоченностью по поводу не только принятия, а даже подготовки известных законов о митингах, НКО, ограничений в Интернете и др. Но главное не в этом.

Встреча прошла «по следам» практически не отмеченного нашими экспертами и политиками весьма интересного события. 26 июня Совет глав внешнеполитических ведомств стран-членов ЕС принял «Стратегические рамки в области прав человека и демократии» вместе с Планом действий по их реализации. Через три дня это решение было одобрено на заседании высшего органа — Европейского совета (главы государств и правительств). Фактически Евросоюз впервые одобрил единый документ в этой сфере (на десятилетний период), подкрепленный планом до конца 2014 г. с 97 мероприятиями по 36 направлениям. До этого Брюссель ограничивался отдельными «руководящими принципами» и политическими руководствами.

Обратим внимание на некоторые положения Стратегических рамок, касающихся государств за пределами Евросоюза.

«Содействие распространению прав человека и демократии и их защита — совместная ответственность ЕС и государств-членов».

«ЕС будет содействовать распространению прав человека во всех областях своей внешней деятельности без исключения. В частности, содействие распространению прав человека будет интегрировано в политику ЕС в области торговли, инвестиций, технологий и телекоммуникаций, Интернета, энергетики, окружающей среды, социальной ответственности бизнеса и развития, а также в Общую политику безопасности и обороны, во внешнее измерение социальной политики и политики занятости, в политику в области свободы, безопасности и правосудия, включая политику по борьбе с терроризмом».

«ЕС поместит права человека в центр своих отношений со всеми третьими странами, включая своих стратегических партнеров... ЕС будет решительно поднимать вопросы прав человека в рамках соответствующих форумов двустороннего политического диалога, в том числе на самом высоком уровне... При столкновении с нарушениями прав человека ЕС намерен задействовать полный спектр имеющихся в его распоряжении инструментов, включая санкции и осуждение».

Несмотря на эти и другие весьма конкретные положения, с российских позиций можно оценивать инициативу по-разному. Как известно, вопросы демократии, прав человека и верховенства закона Брюссель всегда выдвигал на первый план в контактах с внешними партнерами, а требования их выполнения в качестве условия развития торгово-экономических связей с ЕС заключены в один из незыблемых принципов ЕС — «политической обусловленности», разработанный еще в 1990-х гг. В общем, казалось бы, ничего принципиально нового.

Можно, конечно, говорить о дежурном характере документа. Старт его подготовке был дан в марте 2010 г. на неформальной встрече министров иностранных дел стран-участниц ЕС, а в качестве основы взято Сообщение Евросовета «Права человека и демократия в центре внешней политики ЕС: к более эффективному подходу» от 12 декабря прошлого года. Запуск работы объяснялся обязательствами вступившего в силу в конце 2009 г. Лиссабонского договора «упрочить в мире» принципы демократии, прав человека и т.д. Напомним также, что позапрошлой весной оценки развития внутривнутриполитической ситуации в нашей стране были более благожелательными — конечно, с определенным критическим настроем. Поэтому не нужно искать особый «российский след» в данной инициативе.

Гораздо более весомым ее объяснением представляется давняя тенденция к усилению централизации принятия решений в пользу Брюсселя и в обход столиц государств Евросоюза по различным направлениям. Она стала хорошо заметна еще в конце прошлого века. К этим направлениям относятся и энергетика, и политика на постсоветском пространстве и др. Из свежих примеров — принятие концепции «Горизонт 2020», нацеленной на координацию инновационной политики стран-членов ЕС. Нет ничего удивительного, что сейчас к этому списку присоединилась тематика демократии и прав человека.

Брюсселю не удалось достичь искомых результатов по ряду направлений, утвержденных соответствующими документами и решениями (включая ту же энергетику), в том числе из-за существенных разногласий внутри Союза. Но в данном случае можно отметить, по меньшей мере, два немаловажных обстоятельства.

Во-первых, тема демократии и прав человека — более объединяющая для всех членов ЕС. «Общие ценности» являются одним из краеугольных камней политики всего Союза.

Во-вторых, документ принят Советом министров иностранных дел, который, в отличие от форматов с министрами иного профиля, где председательствует министр страны — полугодичного председателя ЕС, имеет постоянного председателя — Высокого представителя по иностранным делам и политике безопасности. Это усиливает централизацию выполнения решений и дает более эффективный инструмент в отношениях с теми или иными странами.

К тому же повышается ответственность конкретного «долгожителя» за выполнение решений самой высокой инстанции. Действительно, принятие впервые такого масштабного

стратегического документа в рамках данного механизма ослабляет возможности ответственного за его выполнение сослаться на разные предлоги и разногласия с отдельными странами — как это было, к примеру, в энергетической политике. Причем речь идет не только об исполнительных органах Евросоюза. В документе отмечено: «Важно, чтобы Европейский Парламент, Европейский Совет, государства-члены, Европейская Комиссия и Европейская служба внешних связей, с учетом их отдельных институциональных функций, были привержены еще более тесной совместной работе для реализации общей цели, направленной на улучшение ситуации с соблюдением прав человека».

К. Эштон получила в свои руки новый инструментарий для выполнения тех задач, которые разделяются всеми членами Евросоюза. Более того, в документе предложена должность Специального представителя НЕС по правам человека, в том числе для выполнения Плана действий. Уже в конце июля им назначен С. Ламбринидис.

Такое обретение по времени совпало с повышением градуса критики из Брюсселя и многих столиц по поводу действий Москвы на внутривосточном фронте. Поэтому перед ответственными за выполнение документа встают весьма сложные вызовы. Они касаются вечной «развилки» в отношениях с Россией: что выше — «общие интересы» или «общие ценности», особенно в сложной для ЕС экономической ситуации.

Но даже если Брюссель предпочтет первый вариант, градус настроений в Евросоюзе в отношении последних событий в России, принятие первого стратегического документа с прописанным планом, «добро» на тесное взаимодействие с тем же Европарламентом, который известен жесткой критикой в наш адрес, возможные дальнейшие законодательные и иные меры в России, которые могут вызвать негативную реакцию, — все это будет существенно осложнять маневры К. Эштон.

Сможет ли она, при всем своем желании, упрятать «российское досье» в нижнюю часть «страновой стопки» документов? Для ответа на этот вопрос нужно прочитать хотя бы те задачи Плана, которые прописаны по срокам. А в нем присутствуют интересные задания — например, в 2013 г. «в инвестиционной политике ЕС обеспечить учет принципов и целей внешних действий Союза, включая права человека».

В свою очередь, как принятие, так и выполнение, в том или ином виде, этого документа не может не присутствовать на переговорном столе с Россией. Для наших дипломатов в диалоге Москвы и Брюсселя появляется дополнительная нагрузка.

Тормозной путь к новому экономическому порядку

Начало второго полугодия-2012 в глобальной экономике складывается вовсе не благостным. Оптимизма стало заметно меньше. Рынки отмечены повышенной волатильностью, торговля акциями почти мертва, доходность долевых ценных бумаг снижается темпами, рекордными за последние пятьдесят лет. Публичные долги (то есть облигации) торгуются более живо, но здесь цены почти полностью зависят от действий правительств и денежных властей и подозрений на их счет, возникающих среди игроков. Греции опять предрекают выход из Еврозоны уже в начале 2013 г., Италии и Испании — попеременно суверенные дефолты, а всей конструкции Евросоюза — стремительный распад с малопонятными сроками «возрождения из пепла».

Негативный новостной фон подпитывает «медвежий» настроения финансовых рынков. Одновременно снижаются объемы спекулятивных инвестиций в commodities. На углеводородах много не заработаешь, котировки не разгоняются даже в условиях сильной геополитической неопределенности по поводу Сирии, Ирана, ряда других стран Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока и т.п. Настоящее ценовое ралли только на рынках зерновых и масличных культур. Фьючерсы на кукурузу, сою и пшеницу на Чикагской бирже устанавливают все новые исторические рекорды. Первопричина тревожна — в основных странах-производителях беспрецедентная засуха.

Словом, в глобальной экономике нынче сильно пасмурно, а, по многим оценкам, так даже и предкризисно. Опубликованная по традиции в середине июля подборка свежих докладов МВФ¹ ожиданий продолжающегося торможения, по сути, не умерила. «В течение последних трех месяцев, — отмечают аналитики Фонда, — подъем мировой экономики, который и до этого не был мощным, демонстрировал признаки дальнейшего ухудшения. Напряженность на финансовых рынках и в сфере финансирования суверенных заемщиков на периферии зоны евро усилилась и приблизилась к уровням конца 2011 г. Темпы роста в ряде крупнейших стран с формирующимися рынками ниже прогнозируемых». По оценкам МВФ, мировой рост в 2012 г. составит 3,5%, в 2013 — 3,9%. По сравнению с апрелем ожидания

¹ См.: «Перспективы развития мировой экономики» (<http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/2012/update/02/pdf/0712r.pdf>), «Доклад о финансовой стабильности» (<http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fmu/2012/02/0712r.pdf>), «Бюджетный вестник» (<http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fm/2012/update/02/0712r.pdf>).

понижены соответственно на 0,1% и 0,2%. Развитые экономики в целом приподнимутся в 2012 г. на 1,4%, в 2013 — на 1,9%; развивающиеся — на 5,6% и 5,9%.

График 1

Рост мирового ВВП
в % по кварталам в годовом исчислении

Источник: World Economic Outlook, IMF, July 2012

В Фонде, однако, уверены: «Риски недостижения уровня, ожидаемого этим более низким глобальным прогнозом, остаются значительными». И связаны они, прежде всего, с немалой вероятностью запаздывания или недостаточностью регулятивных мер, принимаемых правительствами и денежными властями.

Таблица 1

Прогнозируемые темпы роста отдельных стран
в % год к году

	Факт		Прогнозы		Отличие от прогнозов ПМЭР за апрель-2012	
					2012	2013
	2010	2011	2012	2013	2012	2013
Мировой объем производства	5,3	3,9	3,5	3,9	-0,1	-0,2
Страны с развитой экономикой	3,2	1,6	1,4	1,9	0,0	-0,2
США	3,0	1,7	2,0	2,3	-0,1	-0,1
Зона евро	1,9	1,5	-0,3	0,7	0,0	-0,2

Германия	3,6	3,1	1,0	1,4	0,4	-0,1
Франция	1,7	1,7	0,3	0,8	-0,1	-0,2
Италия	1,8	0,4	-1,9	-0,3	0,0	0,0
Испания	-0,1	0,7	-1,5	-0,6	0,4	-0,7
Япония	4,4	-0,7	2,4	1,5	0,4	-0,2
Соединенное Королевство	2,1	0,7	0,2	1,4	-0,6	-0,6
Канада	3,2	2,4	2,1	2,2	0,1	0,0
Страны с формирующимися рынками и развивающиеся страны	7,5	6,2	5,6	5,9	-0,1	-0,2
Центральная и Восточная Европа	4,5	5,3	1,9	2,8	0,0	-0,1
Россия	4,3	4,3	4,0	3,9	0,0	-0,1
Китай	10,4	9,2	8,0	8,5	-0,2	-0,3
Индия	10,8	7,1	6,1	6,5	-0,7	-0,7
Бразилия	7,5	2,7	2,5	4,6	-0,6	0,5
Мексика	5,6	3,9	3,9	3,6	0,3	0,0
Южная Африка	2,9	3,1	2,6	3,3	-0,1	-0,1
Для справки						
Объем мировой торговли (товары и услуги)	12,82	5,9	3,8	5,1	-0,3	-0,5
Потребительские цены						
Страны с развитой экономикой	1,5	2,7	2,0	1,6	0,1	-0,1
Страны с формирующимися рынками и развивающиеся страны	6,1	7,2	6,3	5,6	0,1	0,0

Источник: World Economic Outlook, IMF, July 2012

В начале второго полугодия-2012 все крупнейшие экономики мира выдают противоречивые сигналы. Так, в США безработица в июне после десяти месяцев непрерывного сокращения осталась на уровне 8,2%². Продолжают снижение индекс потребительской уверенности и оборот розничной торговли. Причем последний падает уже третий месяц подряд (апрель по отношению к предыдущему месяцу — «-0,3%», май — «-0,2%», июнь — «-0,5%»).

В то же время, объем промышленного производства (год к году) в июне вырос на 4,7%. При этом, по оценкам Федерального резерва, уже год как темпы промышленного выпуска превышают показатели прироста загрузки мощностей. Наблюдатели констатируют также, что в реальных секторах американской экономики интенсивно разворачивается технологическая модернизация.

Налицо и некоторые признаки восстановления рынка жилья: по меньшей мере в 20 мегаполисах США зафиксирован слабый рост цен на недвижимость. Объем же закладок новых домов в июне вышел на уровень летних месяцев 2008 г.

ФРС понизила прогноз роста экономики США в 2012 г. с 2,4% до 2,1%, однако воздерживается (несмотря на растущее давление) от запуска третьей программы «количественного смягчения», маневрируя на поле альтернативных инструментов краткосрочного стимулирования. Глава Федрезерва Бен Бернанке, выступая 16—17 июля в американском Конгрессе, не исключил применения таких мер, как стерилизованная покупка банковских активов (акций, казначейских облигаций и ипотечных бумаг), изменение прогноза по процентной ставке и прямое фондирование частных банков, «связанное» обязательствами увеличения кредитных портфелей. Вновь был подчеркнут и главный риск — опасность «бюджетного обвала» вследствие возникшего «политического пата» между республиканцами и демократами.

Заметим, что на это же обращают внимание и в МВФ: если в США «не смогут прийти к консенсусу о продлении некоторых временных мер по снижению налогов и отмене автоматических глубоких сокращений расходов, в 2013 г. структурный дефицит бюджета может сократиться более чем на 4 процентных пункта ВВП. Тогда рост экономики США в следующем году остановится, что приведет к значительным отрицательным вторичным эффектам в отношении остального мира». В полном объеме сохраняют значение еще два «генератора рисков»: возможная задержка с

² Резко сократилось число новых рабочих мест. В январе-марте в среднем за месяц их создавалось 226 тыс., в апреле-июне — 75 тыс.

повышением верхнего предела федерального долга и отсутствие убедительного плана среднесрочной бюджетной консолидации. Роль этих факторов в «нарушении работы финансовых рынков» будет только возрастать.

Как видим, потенциал негативной нагрузки мирового хозяйства институционально-структурными проблемами в самих США имеет явную «склонность» к разрастанию. Не менее очевидно и то, что реальные структурные реформы могут быть начаты лишь по завершении текущего американского электорального цикла.

Неоднозначная и, пожалуй, еще более запутанная картина в экономике Китая. Международные эксперты в один голос констатируют — в 2012 г. в КНР происходит значимое замедление роста, темпы второго квартала (7,6%) заметно ниже, чем в январе-марте (8,1%³). Напомним, такое развитие событий не является неожиданным. Еще в марте политбюро ЦК КПК установило предельный целевой ориентир по темпам роста на 2012 г. в 7,5%. Наблюдаемое охлаждение экономики — прямое следствие начавшегося перехода к модели развития, ориентированной, прежде всего, на внутренний спрос. Причем процесс этот сознательно стимулируется денежными властями.

Народный банк Китая дважды (8 июня и 5 июля текущего года) снизил ставки по кредитам и депозитам (до 6% и 3%), до 20% (последний раз в мае) уменьшена норма обязательного резервирования. Одновременно удалось сбить инфляцию. Ее июньский показатель в 2,2% (год к году) позволяет предположить, что у ослабления монетарной политики в целях стимулирования экономики и даже некоторых мер ее бюджетной поддержки есть неиспользованные резервы.

В экспертном обороте уже обозначилась точка зрения — в минувшем квартале в Китае нащупано «дно» торможения роста, и во втором полугодии он понемногу начнет ускоряться. Среди признаков этого чаще всего называют: постепенное исчерпание энергии замедления в промышленности (по оценке HSBC, индекс PMI для индустрии в июне вырос с 48,1 п.п. до 49,5 п.п.⁴); увеличение кредитования (на 9,0% в первом квартале, на 24,4% во втором); рост продаж жилья и цен на жилую недвижимость. О переориентации на внутренний спрос свидетельствует и снижение (до 2%) торгового профицита Китая. Страна стала больше потреблять и меньше экспортировать (отношение экспорта к ВВП

³ Тормозят прирост оборот розничной торговли (13,9% против 14,9%), инвестиции в основной капитал (19,4% против 20,8%), объемы промышленного производства (9,4% против двузначных значений кварталом ранее).

⁴ Значение индекса ниже 50 п.п. означает спад деловой активности.

снизилось с 36% в 2007 г. до 28% в 2011-м). Главными бенефициарами такого разворота оказываются Еврозона и США.

По мнению многих наблюдателей, «жесткой посадки» китайской экономики в 2012 г. не будет, некоторое же оживление во втором полугодии мировому хозяйству в целом пойдет лишь на пользу. При этом за фасадом мягкого перебалансирования на внутренний спрос скрывается серьезный, хотя и находящийся по сию пору в латентном состоянии, структурный кризис.

Финансово-банковская система продолжает накапливать «плохие долги», которые не реструктурируются рыночными инструментами, а пролонгируются административными, а нередко и политическими решениями. Переинвестирование народного хозяйства уже дает о себе знать значительным объемом избыточных производственных мощностей (их загрузка за последние два года снизилась с 80% до 60%). На экономику начинают накатываться волны последствий демографической политики прошлых лет — население стремительно стареет и, согласно прогнозам, после 2015 г. численность рабочей силы в КНР начнет сокращаться. Острая фаза столкновения с этими и другими структурными проблемами еще впереди. Причем необходимое разгосударствление экономики имеет шансы оказаться уже невозможным без либерализации политической системы.

Наиболее слабым и уязвимым звеном глобального хозяйства остается Еврозона, где и долговой кризис, и текущая рецессия⁵ являются следствиями застарелых и по сию пору все еще не решенных структурных и институциональных проблем выбранной интеграционной модели. В последние месяцы очевидно продвижение на пути «институциональной революции», открывающей выход из структурного кризиса Еврозоны и Евросоюза в целом⁶.

26 июля председатель Европейского центрального банка

⁵ Промышленное производство устойчиво сокращается уже более двух кварталов. В июне падение (к показателям 2011 г.), по отдельным оценкам, достигло 3%. Безработица (с устранением сезонного фактора) превышает 11% и находится на максимумах с весны 1997 г. Значения индекса PMI для Еврозоны (в июне 45,1 п.п.) уже год остаются в области ожиданий снижения деловой активности.

⁶ Об этом свидетельствуют, например, итоги июньского саммита ЕС, где приняты решения: о предоставлении ESM права напрямую (а не через правительства) выделять ресурсы для рекапитализации проблемных банков; о мобилизации 120 млрд евро (около 1% европейского ВВП) на финансирование проектов, содействующих долгосрочному росту; о создании единой системы надзора за кредитными учреждениями ЕС, в которой должен участвовать ЕЦБ.

Кроме того, установлено, что до конца текущего года должны быть достигнуты договоренности: о создании системы помощи проблемным банкам и единого фонда страхования депозитов; о разработке интегрированной бюджетной системы, повышающей роль решений на уровне ЕС; о формировании механизма согласования национальных политик и общеевропейских подходов в области структурных реформ, конкурентоспособности и занятости.

Марио Драги по этому поводу даже употребил такое выражение, как «исключительный прогресс», выразив одновременно готовность возобновить программу покупки гособлигаций PIIGS, чтобы снизить доходность таких бумаг. Кроме того, объявлено, что ЕЦБ может пойти на предоставление банковской лицензии ESM (вновь создаваемому постоянному Европейскому механизму стабильности с объемом ресурсов 500 млрд евро), что открывает возможность кредитовать этот фонд напрямую, не увеличивая нагрузку на суверенные долги.

Тем не менее, ситуация на рынках, где эти долги как раз и торгуются, не улучшается. В МВФ настаивают: своевременная реализация мер поддержки «периферийным» странам (например, предоставление помощи Испании из ESM в размере до 100 млрд евро) «наряду с дальнейшим продвижением в создании банковского и бюджетного союза должна быть первоочередной задачей».

Ключевое слово в этой формуле — «наряду». Институциональные риски и ЕС-17, и ЕС-27 сейчас высоки как никогда ранее, скорость становления новых евроинститутов уже критична. Для реализации европейского «пилотного проекта» в сфере глобального управления силами одного лишь Старого Света может просто не хватить времени.

Из краткого обзора положения дел в главных экономиках мира напрашивается несколько выводов. Прежде всего, в развитых и ведущих развивающихся странах сохраняются свои наборы регулятивных ограничений, из-за которых имеющиеся в наличии механизмы поддержки роста либо не срабатывают вовсе, либо приводят к результатам ниже ожидаемых. Типичное проявление такого рода «дефицита инструментов» — конфликт интересов налогово-бюджетных консолидаций и монетарной политики.

Первые, будучи абсолютно оправданы с точки зрения среднесрочной перспективы существенного оздоровления госфинансов, дестимулируют экономическую динамику на коротких дистанциях. При этом денежные власти все чаще вынуждены принимать на себя несвойственные им функции по взбадриванию экономик, используя нетрадиционные методы в виде разного рода программ «количественного смягчения» и т.п.⁷. Поскольку же одновременно приходится решать задачи по таргетированию инфляции (при свободном образовании валютных курсов как обязательном условии в развитых странах и допущении большей

⁷ К концу июня емкость таких программ, реализуемых в США, Великобритании, Еврозоны и Японии составила около \$145 млрд.

«валютной гибкости» в развивающихся), то эффективность наценок ликвидностью в целом не велика. Экономике, действительно, поддерживаются на плаву, но не более. Дополнительные процентные пункты роста — функция от общемировой конъюнктуры, то есть действия рыночно-конкурентных сил, которые работают пока как бы в режиме «замедленной съемки».

Во-вторых, становление новых послекризисных экономических моделей в национальных границах и перебалансирование глобального хозяйства в целом (прежде всего повышение доли развивающихся стран в мировом потреблении) требуют практически повсеместно создания новых институтов. Путь к этому лежит через структурные реформы наиболее бюджетоемких секторов и так называемых негибких рынков (речь в первую очередь идет об отраслях социальной сферы, рынках труда и услуг, либерализации доступа иностранных инвесторов), что сопряжено с серьезными политическими рисками для их инициаторов. Однако именно эта область все больше становится предметом международной экономической координации и полем для приложения усилий «глобального управления», в рамках которых предстоит найти форматы ослабления национальных рисков структурных реформ. Эта задача все более актуализируется.

В-третьих, структурные реформы и обновление экономических и финансовых институтов в условиях взаимозависимости, когда регуляторы двадцати главных экономик, где создается 90% общемирового ВВП, как бы «скованы одной цепью», должны найти адекватное отражение в долгосрочной повестке «Большой двадцатки». Выравнивание или перераспределение «экономической гравитации» с Запада на Восток и с Севера на Юг, составляя своего рода субстанцию начавшихся изменений в самой природе межгосударственных отношений, глобального и регионального лидерства, увеличивают возможность взаимозависимых стран использовать потенциал этого состояния для собственного блага. Увязка углубляющейся экономической и социальной взаимодополняемости и совместимости с усиливающейся международной политической конкуренцией в рамках «внеблокового мультилатерализма»⁸ оказывается главным кандидатом на роль драйвера «двадцатки». При этом сама международная экономическая координация, как регулярно повторяемая практика, становится глобальным институтом нового типа.

⁸ См. подробнее: Robin Niblett. Beyond Los Cabos. — «First Magazine», June 2012.

Мультилатерализм — принцип построения международных отношений, основанный на механизмах, позволяющих каждому государству пользоваться привилегиями в отношениях со всеми партнерами.

В-четвертых, «окно возможностей» «Большой двадцатки» содействовать проведению структурных реформ используется странами-участницами далеко не в полной мере. С этим во многом связана все еще сохраняющаяся высокая вероятность нового витка глобального кризиса. Классики диалектической логики говаривали в свое время, что проблемы возникают вместе с заложенными в их содержании средствами их же решения. Именно поэтому текущее общемировое экономическое замедление по сути своей многозначно. На тормозном пути, при желании, можно уже обнаружить (особенно в финансовой сфере) отдельные элементы нового мирового экономического порядка, созданные координационной деятельностью «двадцатки». Не потерять их по ходу движения и создать новые недостающие детали для «пазла» глобального управления — в этом сегодня состоит одно из важнейших измерений общемирового прогресса.

Игорь Юргенс
Председатель
Правления
Института
современного
развития

Глобальная управляемость глазами партнёров ИНСОП

Глубокую работу по теме глобальной управляемости опубликовала наша партнёрская организация — лондонский Центр европейских реформ (ЦЕР). Его глава, известный английский политолог Чарльз Грант в своей работе «Россия, Китай и глобальная управляемость»⁹, вышедшей в свет этой весной, анализирует проблему с точки зрения различия подходов к ней основных мировых игроков. Кроме вынесенных в заголовок, это, конечно, США и Европейский союз.

Выводы Гранта неутешительны: идёт ли речь о продвижении в области либерализации мировой торговли, изменения климата или даже о реформах системы ООН, результаты не впечатляют. Грант скорее скептик и по вопросу об эффективности «Группы двадцати» (G-20), усилия которой, казалось бы, планомерно простираются за пределы сферы чисто финансового регулирования.

Всё это ведёт, с его точки зрения, к укреплению тенденции к многополярности мира в тот момент, когда общие вызовы и проблемы должны укреплять общую управляемость, пускай и через многосторонние усилия.

Позволим себе не во всём согласиться с коллегами из ЦЕР.

⁹ См.: Charles Grant. Russia, China and global governance. Lnd., 2012
http://www.cer.org.uk/sites/default/files/publications/attachments/pdf/2012/rp_072-4700.pdf

Как мы уже писали в июньском бюллетене ИНСОР, если рассматривать итоги саммита «двадцатки» в Лос-Кабосе с точки зрения «расширения кругозора» и охвата проблематики в плане ответов на текущие вызовы, оценка будет скорее позитивной. Итоговая декларация и согласованный план по содействию росту мировой экономики и созданию рабочих мест логичен и технологичен. Россия сейчас готовится к председательству в «двадцатке» в 2013 году, и план подготовки впечатляет. Помимо регулярных встреч Совета финансовой стабильности, его региональных консультативных групп и Совета управляющих, встреч центральных банкиров и министров финансов, анализа проблематики в ходе региональных и Всемирной конференции Давосского форума, на постоянной основе активно действуют рабочие группы: по сбалансированному росту, по реформированию международной валютно-финансовой системы, по содействию развитию, по финансовой грамотности и финансовому образованию и др. Можно спорить об эффективности, но нельзя не замечать последовательной и настойчивой линии на развитие крайне важного формата глобальной управляемости – группы двадцати крупнейших политических и экономических держав, представляющих собой «правильный» геостратегический баланс. При этом нельзя не согласиться с тезисом коллег из ЦЕР о разнонаправленной мотивации в этих процессах со стороны России, Китая, ЕС и США.

Если Китай обычно не заинтересован в военно-стратегических международных нормах и системах договоров, считая себя сильнейшим региональным игроком, пока без глобальных амбиций, то Россия чувствует себя более уязвимой, несмотря на «ядерный щит».

Если Китай заинтересован в мировых экономических правилах игры, будучи крупнейшим экспортёром, то Россия меньше озабочена этим, поскольку наши нефть и газ не подпадают под торговые международные режимы. В этом смысле нас вполне устраивают ситуативные союзы и объединения, такие как БРИКС — они повышают престиж, балансируют интересы с традиционным Западом, но не становятся его антагонистами.

США, являясь крупнейшим политическим, экономическим и военным актором современного мира и к тому же одним из архитекторов существующей модели послевоенного устройства, всё громче говорят о пределах своей глобальной вовлечённости. Практически состоялся перенос акцентов во внешней и военной политике США с мирового уровня на регионы Азии и Ближнего Востока.

Но можно предположить, что ослабление США делает эту страну более заинтересованной в создании международных правил, которые устроят большинство сильных игроков.

Европейцы (пожалуй, за исключением англичан, по крайней мере, при правительстве консерваторов) являются сторонниками глобальной управляемости. Здесь в течение 60 последних лет после чудовищных потерь мировых войн последовательно создаётся наднациональный интеграционный механизм, выработаны его идеология, стратегия, практики, которые охватывают более чем 500-миллионное население.

Россия заинтересована в устойчивых международных стандартах, выработанных при её участии и с учётом её национальных интересов. Мы не являемся самодостаточными по ряду важнейших ресурсов - трудовых, технологических, инновационных. Обеспечивать свою безопасность только твёрдой силой тоже не удастся. Последние события - вступление в ВТО, предполагаемое вступление в Организацию экономического сотрудничества, развитие интеграции в крупнейших международных научных проектах от ЦЕРН до космических являются тому доказательством.

Будем следить за дискуссией по этому поводу и участвовать в ней.

Сергей Кулик
*Директор Дирекции
по проблемам
международного
развития ИНСОП*

«Мягкая сила» России в СНГ

В последние месяцы некоторые авторитетные зарубежные центры в своих исследованиях обратились к тематике «мягкой силы» во внешней политике России, особенно на постсоветском пространстве. Повышенный интерес оказался оправданным: на совещании наших послов и постоянных представителей при международных организациях в МИДе 9 июля российский президент сделал особый акцент на это направление работы.

В ряду этих исследований остановимся на последнем — «Ограничения российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве» координатора программы по Восточной и Юго-Восточной Европе Польского института международных отношений

Я. Цвек-Карповича¹⁰. Оно проведено на базе Германского совета по международным делам (DGAP).

При определенном наборе справедливых наблюдений некоторые позиции требуют обширных комментариев. Но из-за формата нашего бюллетеня лишь кратко остановимся на основных.

Вполне уместен тезис о том, что «мягкая сила не заставляет, а убеждает других стремиться к тому, к чему сама стремится, предоставляя очевидные преимущества обеим сторонам». Ссылаясь на мнения экспертов, автор отмечает их согласие с тем, что «источник привлекательности России на постсоветском пространстве» касается четырех факторов — большой рынок рабочей силы, языковая близость, общая культура и огромные энергоресурсы. Если даже ограничиваться этим, то характер привлекательности одних существенно отличается от характера других.

Два года назад в своем исследовании «Экономические интересы и задачи России в СНГ» ИНСОР первым просчитал «баланс интересов» России и партнеров по Содружеству в энергетической сфере. По нашим оценкам, косвенное субсидирование только Белоруссии (нефть и газ) и Украины (только газ) в 2000—2009 гг. составило 60 млрд долл. К этому прибавим, что за счет реэкспорта российского нефтегазового сырья, которое эти две страны получали по ценам существенно ниже мировых, а также экспорта продукции, производимой из этого сырья, Белоруссия и Украина за тот же период получили более 76 млрд долл. Если приплюсовать многие другие страны СНГ и закрыть глаза на другую товарную номенклатуру, включая военно-техническую, то объемы косвенного субсидирования партнеров по Содружеству получатся громадными.

На днях со ссылкой на В. Путина появилась информация, что Россия предоставляет Белоруссии энергетические гранты в размере 16% ВВП. По оценкам же экспертов, с добавлением белорусского производства на базе нашей нефти получатся все 20% ВВП.

Однако, энергетическая зависимость или дотации не являются встроенным в «мягкую силу» инструментом. С этим согласен и автор, который указывает на то, что Россия для укрепления своего экономического доминирования использует прежде всего инструментарий не «мягкой силы», а энергетический.

На постсоветском пространстве Россия действительно

¹⁰ Jarosław Cwiek-Karpowicz. Limits to Russian Soft Power in the Post-Soviet Area. — «DGAP Analyse», № 8, July 2012. <https://dgap.org/de/article/getFullPDF/21791>

выступает крупнейшим импортером рабочей силы из многих стран Содружества. Но если брать значительную долю нелегальных иммигрантов, то привлекательность нашего рынка в основном касается малоквалифицированной рабочей силы из государств Центральной Азии.

Действительно, это серьезный потенциал для «мягкой силы». Тем не менее, даже наши официальные источники признают значительные проблемы в его использовании, в том числе для укрепления репутации страны на родине этих иммигрантов.

В целом же руководство России всерьез озабоченно слабой отдачей от усилий в политике «мягкой силы», что свидетельствует и о признании определенной пассивности российских действий.

В этой связи представляется спорным параграф исследования, посвященный использованию российской «мягкой силы» после «цветных революций» в Украине и Грузии. Автор считает, что Москва резко активизировала свою политику на постсоветском пространстве, но в своих доказательствах все же вынужден в основном ограничиваться внутривнутриполитическими изменениями в самой России, включая развитие «кремлевских» НКО и поиски «мобилизационных идей». Как эти новшества могли бы эффективно использоваться вовне, в наших «усилиях сформулировать позитивное послание гражданам бывшего Советского Союза» исследователь оставляет за скобками. Что вполне справедливо — ведь главные попытки нейтрализовать эффект «цветных революций» были сконцентрированы внутри России.

Отсюда двойственность оценки результатов этих усилий. С одной стороны, «российские правящие элиты усилили свою политическую власть в стране», а с другой — «ограничили западное влияние на постсоветском пространстве». С первым можно четко согласиться, а со вторым — по меньшей мере, подискутировать.

В работе указывается на три инструмента проведения «мягкой силы» после указанных событий в «ближнем зарубежье» — расширение контактов по линии НКО (в основном на примере фонда «Русский мир»), усиление роли Православной церкви и активизация российских СМИ, прежде всего электронных. Это действительно так, но при этом следовало бы сделать замеры в общественном мнении стран Содружества и оценить эффективность работы на информационном пространстве. Тем более, автор тут же констатирует, что, например, «Украина не изменила полностью свою ориентацию на экономическую и политическую интеграцию с западными институтами».

За исключением Церкви, которая находится вне поля как позитивных, так и негативных оценок, эффективность других инструментов является предметом критики для российских политиков и экспертов. Не случайно Президент России дипломатично указал на упомянутом совещании, что в международной работе «по части использования новых технологий, например, так называемой «мягкой силы», есть над чем подумать».

По мнению автора, «российские политики осознали, что преимущество Запада перед Россией на постсоветском пространстве объясняется лучшим доступом к общественному мнению через такие хорошо разработанные каналы «мягкой силы», как международные НКО и информационные инструменты». Действительно многие страны, имея достаточный опыт и инфраструктуру, а также значительные ресурсы, активно работают на постсоветском пространстве.

Не все данные оценки политики нашей «мягкой силы» можно разделить, но главный вывод, который делает исследователь, представляется вполне справедливым: «Ввиду того, что «мягкая сила» обычно использует наиболее прозрачные и демократические инструменты для своей привлекательности вовне, единственный путь для России стать реальной «мягкой силой» на постсоветском пространстве — провести серьезные внутренние реформы, которые фокусировались бы на либерализации ее экономики и демократизации ее политической системы. Только через действительные демократические изменения Россия может получить потенциал «мягкой силы»».

Об этом же говорилось и в указанной выше работе Института современного развития применительно к пространству Содружества. В своих материалах мы также формулировали и продолжаем конкретизировать потребность, о которой говорит автор в продолжение этого тезиса: «Евросоюз может быть стратегическим партнером для России в этом плане, предлагая дальнейшее содействие в ходе ее политической и социально-экономической модернизации». Как бы ни критиковался Евросоюз, отчасти справедливо и отчасти неправомерно, за проблемы в наших отношениях, он был и остается основным внешним модернизационным ресурсом для России. Если она, конечно, не отступится от стремления к действительной комплексной модернизации.

Политика США в АТР

Внимание ведущих мировых исследовательских центров все заметнее обращается на Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Это вполне объяснимо ввиду его динамичного развития, постепенного перемещения туда центра мировой торговли и инвестиционной деятельности, а также проблем безопасности. В регионе сохраняются высокие темпы гонки вооружений. Основные игроки наращивают военные расходы. Расширяется импорт вооружений и военной техники, не говоря об угрозах распространения оружия массового уничтожения и ракетных технологий. Обостряются отношения Китая с США и рядом соседних стран, в том числе из-за нарастания территориальных споров.

Неопределенной является перспектива формирования многосторонней системы безопасности, режима ограничения вооружений. С вопросами обеспечения безопасности в увязке с комплексом новых, нетрадиционных угроз в регионе все активнее пытаются разобраться «мозговые центры».

Один из последних заметных трудов по этой теме — «Готовы к будущим угрозам? Военные партнерства США в Азиатско-Тихоокеанском регионе» Ксении Дорманди¹¹. Исследование было выпущено в июне Королевским институтом международных отношений Великобритании («Чэтэм Хаус»). Автор пытается ответить на два вопроса. Располагают ли союзы и партнерства с американским участием способностью отвечать на будущие угрозы? Являются ли они эффективными с учетом экономических и бюджетных трудностей?

По мнению автора, союзы и партнерства с США в АТР способны пока выполнять задачи по противодействию традиционным угрозам миру и безопасности, но они не были рассчитаны на нейтрализацию растущих нетрадиционных угроз, которые будут ощущаться все сильнее. Некоторые из них действительно новые (изменение климата, кибербезопасность), другие являются «долгоиграющими» (продовольственная безопасность, ограниченность водных и других ресурсов, природные катаклизмы и пандемии). Они чреваты усилением напряженности внутри и между странами региона. Из-за возникающих бюджетных

¹¹ Xenia Dormandy. Prepared for Future Threats? US Defence Partnerships in the Asia-Pacific Region. Programme Report. Chatham House, June 2012
<http://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Americas/pr0612dormandy.pdf>

ограничителей американская военная стратегия нуждается в переформатировании (как и подходы азиатских союзников) — от доминирующего настроения на «ответные меры» военного характера к готовности совместного ответа на новые или еще не возникшие угрозы.

Вместе с тем, по мнению автора, Китай весьма медленно осознает, что «азиатский стержень» безопасности возник отчасти потому, что большинство стран региона стремятся к консервации регионального баланса сил, в котором ключевую роль играют Соединенные Штаты. Сокращение и диверсификация американских сил может уменьшить китайские страхи по поводу роли США и подвигнуть его к более умеренной политике.

Помимо указанных выше, к угрозам для США и их союзников автор относит: ядерную программу Северной Кореи, кризис режима в этой стране и войну между двумя Кореями; эскалацию напряженности из-за территориальных конфликтов, вокруг Тайваня и энергетических и других ресурсов в Южно-Китайском море; рост экстремизма, особенно исходящего из Юго-Восточной Азии. Они могут усилить напряженность между США и Китаем, и поэтому должное управление двусторонними отношениями является самым большим вызовом и самой благоприятной возможностью для американской дипломатии в Азии. Тем более, что подавляющее большинство стран АТР адресуют принципиальную озабоченность именно проблеме баланса отношений между Соединенными Штатами и Китаем.

Основной вектор размышлений ведущего сотрудника авторитетного центра во многом совпадает с аналитическими изысканиями ряда известных специалистов других исследовательских институтов. В свою очередь, К. Дорманди достаточно подробно пытается анализировать развитие различных партнерств США с отдельными государствами региона, начиная от Индии на западе, которая, по мнению автора, не может не участвовать в сотрудничестве в АТР, до Канады на северо-востоке — с особым акцентом на отношения с Китаем.

Однако, во вводной части своего 50-страничного труда она делает оговорку, что в это региональное исследование не включены Россия и Пакистан, которые «упоминаются там, где это целесообразно». Действительно, наша страна «упоминается» в связи с присоединением (вместе с США) к Восточноазиатскому саммиту в прошлом году и шестисторонними переговорами по «ядерному досье» КНДР.

Не будем критиковать исследователя, по всей видимости, озабоченного своими поставленными задачами. Но обратим внимание на то, что наша страна все заметнее уступает свои прежние позиции по рассматриваемой проблематике в АТР — и это проявляется не только в данном материале.

С учетом таких настроений и предпочтений зарубежных аналитиков России стоит в очередной раз задуматься над выверенной стратегией расширения участия и увеличения веса в делах АТР. Причем не столько с помощью традиционных инструментов, наращивания военных мускулов, а через укрепление своего экономического и гуманитарного потенциала, развития Восточной Сибири и Дальнего Востока и внешнеэкономической активности в этом ключевом регионе мира. Предстоящий саммит АТЭС под председательством России — хорошая возможность для разработки новых подходов России в постепенном укреплении своей роли, не ограничиваясь российско-китайским взаимодействием.

Фонд «Институт современного развития»
125009, г. Москва, Б.Гнездниковский пер, д.7, тел./факс (495)287-3323
www.insor-russia.ru